

Розділ 2.

СМІХ І ФОРМИ КОМІЧНОГО В ЛІТЕРАТУРІ

УДК 124.4:111.85:929

Елена Белянская

АРХЕТИП НАРЦИССА В «ФИЛОСОФСКОЙ УСМЕШКЕ» ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ

В статье анализируется философская проблема осмысления и понимания человека на основе взглядов Г.Сковороды. К идее целостного мира и целостного человека Сковорода приходит через дуализм материального и идеального. Одно из значительных мест в учении философа занимает проблема культурных ценностей. Человека мыслитель понимал как субъект культурных отношений, как носителя добра и зла.

Ключевые слова: человек, культура, мир, материальное, идеальное.

В центре творческих исканий Сковороды – проблема человека, его природы и предназначения, смысла жизни и счастья. Главная тема творчества Сковороды – самопознание человека, понимание своего смысла в мире смыслов. «Дух владеет Сковородой» – разъяснял психологические источники философских странствий мыслителя его друг и биограф М. Ковалинский [1]. Сковорода концентрирует свои идеи и размышления вокруг тех проблем, которые оказались значимыми не только для него, но и для становления украинской культуры, всего человечества в целом.

Учения Г. Сковороды оригинальны своей парадоксальностью – к идее целостного мира и целостного человека Сковорода приходит через дуализм материального и идеального. Говоря о том, что в мире существует единое начало, которое пронизывает и множество миров, Сковорода в одном случае трактует начало как нечто материальное «...природа есть первоначальная всему причина и самодвижущаяся пружина», в другом – понимает начало как божественную сущность «...начало и конец есть то же, что бог» [4, с. 129].

В противовес библейским легендам о сотворении мира, Сковорода высказывал мысль о вечности материи. Хотя все предметы природы временны, преходящи, они возникают и исчезают, природа в целом, весь «обитательный мир» бессмертен, и бессмертность его воплощается в вечном потоке преходящих явлений. Более того, Сковорода утверждал факт бесконечности самих возможностей превращения материи: «Если ты мне скажешь, что внешний мир сей в каких-то местах и временах кончится, имея положенный себе предел, и я скажу, что кончится, сиречь начинается. Видишь, что одного место граница есть она же и дверь, открывающая поле новых пространностей...» [5, с. 382].

Одно из значительных мест в учении Г. Сковороды занимает проблема культурных ценностей, имевших большое значения для понимания и развития человеческой культуры в то время. Проблема человека не

ограничивалась установкой на самопознание – мыслитель понимал человека как субъект культурных отношений, как носителя добра и зла, как аккумулятора и проявителя отношений. В этом плане большой интерес представляет эволюция интерпретации проблемы добра и зла в творчестве Г.Сковороды. В раннем периоде своего творчества Сковорода считал «добро» и «зло» абстрактными категориями, однако в дальнейшем они получают свое наполнение и интерпретируются как проявление противоречий, источник которых коренится в социальном неравенстве.

В произведении «Разговор пяти путников об истинном щастии в жизни» [2] Сковорода, характеризуя современное ему общество, пишет о том, что все «просмерделось» в ненасытной алчности и погоне за богатством и властью. «Где ты мне сыщешь душу не напоенную квасом сим? Кто не желает честей, сребра, волостей? Вот тебе источник ропоту, жалоб, печалей, вражд, тяжб, войн, граблений, татьбы, всех машин и хитростей. Из сего родника рождаются измены, бунт, заговоры, похищения скипетров, падения государств и вся несчастий бездна» [2, с. 217].

Такой анализ социальных отношений, умение увидеть центр общественного противоречия в социальном неравенстве определяют и этический контекст творчества Сковороды. Он понимал различие между этическими нормами господствующих социальных слоев – помещиков, духовенства, чиновников и угнетенного класса и прямо подчеркивал тот факт, что в современном обществе достоинство человека определяется не личными добродетелями, а его положением в общественной иерархии и богатством.

Господствующим в обществе принципам «зла» Сковорода противопоставлял принцип «добра», паразитизму и тунеядству – труд, как основу истинной нравственности, богатству и присвоению чужого труда – довольствование результатом своего, отчужденному отношению людей – дружелюбие, основывающееся на равноправии.

Поставив в своем творчестве проблему формирования нравственных ценностей, Сковорода часто видел причину нравственных принципов человека в его «воле» и «сердце», которое он понимал как центр духовности человека, основание его индивидуальной жизнедеятельности и принцип его культурного существования.

Такая логика рассуждений привела учения Сковороды к ее мировоззренческому и интеллектуальному центру – идее самопознания как духовного саморазвития, экзистенциального самовыражения, возможного благодаря наличию духовного смыслового двигателя – сердца.

Таким образом, благодаря творчеству Григория Сковороды в украинской культуре возникла целая традиция, названная «философией

сердца», которая продолжила тему целостности человека, целостности его духовного бытия, а в идеологическом плане развернула себя в проблему человека как субъекта национального самосознания.

«Для Сковороды ключ ко всем загадкам жизни, как космической, так и божественной, есть человек, потому что все вопросы и все тайны мира сосредоточены для него в человеке... Не разгадав себя, человек не может ничего понимать в окружающем; разгадав же себя до конца, человек проникает в самые глубокие тайны Вселенной», – писал в своей работе «Очерк развития русской философии» Г. Шпет [6, с. 214].

Учение Сковороды о человеке опирается на понятие «внутреннего человека», которое в учениях византийских мыслителей говорит о человеке как единении сердца и ума, а также на понятие «сродства», которое позже получило развитие у славянофилов и характеризовало целостное отношение человека к миру. Обращение к «внутреннему человеку» выделяет особое исследовательское поле, в котором всесторонне выясняются феномен человека эмпирического, сущность человека внутреннего и принцип «познай самого себя», который направлен на то, чтобы «вырвать сердце из клейкой стихийности мира».

Анализируя проблему человека, Сковорода выделяет две стороны его бытия. С одной стороны, он рассматривает человека в контексте структуры бытия, объявляет его одним из миров, микрокосмом. Но, взяв человека как микрокосм, мыслитель приходит к необходимости рассмотреть связь этого микромира с макромиром. Для Сковороды это связь мистическая, поэтому она дается либо как откровение Бога человеку, либо как устремление человека к Богу на дороге самопознания. Здесь важным является то, что эта связь, как подчеркивают исследователи творчества Сковороды В. Эрн, Д. Чижевский, В. Зеньковский, может быть осмыслена только как символический мир, что и доказывает Сковорода в своем учении о Библии и архетипе Нарцисса. С другой стороны, сокровенный характер этой связи вводит в философствование Сковороды экзистенциал надежды. Надежды найти себя, истинно постичь жизнь, стать счастливым, и тем самым избежать «тлени».

Данная идея выступает вторым аспектом анализа сущности человека у Сковороды и предметом хорошо разработанных им культурологических идей. Таким образом, положение человека в мире, согласно учению Сковороды, имеет два выражения: объективное – в структуре мира, и субъективное – для себя.

Анализируя объективное положение человека в структуре мира, Сковорода строит оригинальное учение о трех мирах: «Суть три мира. Первый есть всеобщий и обитательный, где все рожденное обитает. Этот

мир состоит из бесчисленных миров и он есть великий мир. «Другие два суть частные и малые миры. Первый – микрокосм сиречь мирик, мирок или человек. Второй мир символический, сиречь Библия... В ней собраны небесных, земных и преисподних тварей фигуры, дабы они были монументами, ведущими мысль нашу в понятие вечной природы, утаенной в тленной так, как рисунок в красках своих» [2, с. 148].

Эти три мира, различаясь, образуют целое: макро- и микромир в их мистической соразмерности. «Я верю и знаю, – писал Сковорода в письме к М. Ковалинскому, – что все то, что существует в великом мире, существует и в малом, и что возможно в малом мире, то возможно и в великом мире, по соответствованию оных и по единству всеисполнения исполняющего духа» [2, с. 407].

Мысль Сковороды о том, что Бог не творит мира материального, что две природы – видимая и невидимая – вечно сосуществуют, могла бы дать основание считать его учение о макромире пантеистическим, если бы не идея, которой сам философ придавал первостепенное значение – невидимый мир является планом, идеей, «древом жизни» мира видимого. «Хотя бы ты все коперниканские миры перемерил, не узнав плана их, которые всю их внешность содержит, то бы ничего из того не было», – писал Сковорода [2, с. 135].

Мыслитель говорит о единой противоречивой природе мира, но при этом макрокосм у него не строго дихотомичен, ибо внешнее и внутреннее в нем относительно до тех пор, пока не заблещет истина подлинного бытия. В диалоге «Разглагол о древнем мире» под влиянием учения Платона, он говорит о мире как «тени» [5].

Так представлял себе Сковорода сущностную двойственность мира и одновременно его единство. «Я вижу в нем единое начало, так как один центр и один умный циркуль во множестве их» [2, с. 16]. Поэтому «...мир в мире есть вечность в тлении, жизнь в смерти, восстание во сне, свет во тьме, во лжи истина, в плаче радость, в отчаянии надежда» [2, с. 16].

Идея противопоставления старого и нового проводится Сковородой через все темы его размышлений как последний предел между миром видимым и невидимым. Эта же идея является существенной для его антропологии: «Кто старое сердце отбросил, тот сделался новым человеком» [2, с. 147].

Для Сковороды, однако, важно, что старое и новое противостоят так, что предполагают и обуславливают друг друга. «Таким образом, Бог Сковороды, – пишет В.Эрн, – имеет свою тень, должен непременно опираться в подножии своем на пустошь и тлень и хотя постоянно творит

новое и чудное, но всегда носит и вечно будет носить старые, ветшающие, тленные ризы» [7, с. 264].

Сам человек понимается как микрокосм. Эта идея предполагает, однородность природы мира и человека, и постигаемость бытия переживанием, самопознанием.

Природа человека двойственна, как и природа мира. Различая в целостном, эмпирическом человеке «внешнее тело» и «мысль», Сковорода устанавливает между ними зависимость, видя в эмпирическом человеке целостность. «Ты ведь, без сомнения знаешь, говорит Сковорода, что называемое нами око, ухо, язык, руки, ноги и все наше внешнее тело само собою ничего не действует ни в чем. Но все оно порабощено мыслям нашим. Мысль, владычица его, находится в непрерывном волнении день и ночь. Она то рассуждает, советует, определение делает, понуждает. А крайняя наша плоть, как обузданный скот, или хвост, поневоле ей последует. Так вот видишь, что мысль есть главная наша точка и средняя. А посему-то она часто и сердцем называется. Итак, не внешняя наша плоть, но наша мысль, – то главный наш человек. В ней-то мы состоим, а она есть мы» [4, с. 128].

Человеческая природа двойственна, также как природа мира, однако, в отличие от этого мира, где тлень и истина сосуществуют, где внешнее не становится внутренним, двойственность человеческая может и должна быть преодолена. Внешний человек, преображаясь во внутреннего, постигает сущность своего бытия.

«Внутренним человеком» Григорий Сковорода называет то, что составляет сущность каждого человека. По мысли мыслителя, Бог дал план и миру, и человеку. И он настаивает на том, что внутренний человек это не абстрактная идея человека, не платоновский эйдос, а новый человек, в которого преобразился старый. Этому нового человека каждый должен в себе открыть, хотя он уже присутствует изначально в каждом. Сковорода противопоставляет тело «земное» и «тело духовное, тайное, вечное» [3, с. 145]. Этими противопоставлениями Сковорода придает понятию «внутренний человек» личностный характер, подчеркивает его индивидуальность, такую же полную, как индивидуальность эмпирического «старого» человека. И старое, и новое, согласно размышлениям Сковороды, – это целостности, но различной природы; новое, внутренний человек – энтелехия старого, его цель и стремление, направление его жизни. Отношение между ними выступает отношением смысла жизни, таким образом, отношение также целостное.

Сковорода убежден, что поиск внутреннего человека выступает событием личным, обретение человеком себя «нового» – судьбой, дорогой

к внутреннему факту личной духовной истории каждого человека, а содержание этой истории есть выбор человеком самого себя. Эту черту философии Сквороды В. Эрн называет «...синтезом платоновского идеализма с библейским антропологизмом» [7, с. 271].

Нравственный выбор зависит от ситуации и от субъективного положения человека в мире. Для Сквороды эти принципы выступают как проблемы и цели жизни человека, свободы воли, отношения общества и личности.

Описание субъективного положения человека в мире, того, как понимает человек свои возможности и с чем связывает свои надежды, Григорий Скворода начинает с парадокса, который выражает двойственную природу человека. Жизнь человека, единственная и неповторимая, бесценна, поэтому её мерой может быть только счастье, но эта же жизнь так преходяща и так быстротечна, что смертному во временном мире счастливым быть невозможно: «Он увидел в счастье превращение, в друзьях измену, в надеждах обман, в утехах пустоту, в союзах самовидность, в ближних остуду, в своих лицепрятие» [5, с. 405].

Мыслитель говорит о трех позициях человека в отношении к такому миру. Первая позиция – это надежда на счастье и радость сердца: «Люди в жизни своей трудятся, мятутся, сокровиществуют, а для чего, то многие сами не знают. Если рассудить, то всем человеческим затеям, сколько их там тысяч разных не бывает, выйдет один конец – радость сердца», писал Григорий Скворода [5, с. 313].

Причем радость эту человек вносит в предметный мир, наделяя его своими желаниями, надеждами и мечтами: «Не для оной ли выбираем мы по вкусу нашему друзей, – говорит Скворода, – дабы от сообщения своих мыслей иметь удовольствие; достаем высокие чины, дабы мнение наше от почтения других восхищалось; изобретаем разные напитки, кушанья, закуски для услаждения вкуса; изыскиваем разные музыкы, сочиняем тьму концертов, менуэтов, танцев для увеселения слуха; созидаем хорошие дома, насаждаем сады, делаем златотканые парчи, материи, вышиваем их разными шелками и взору приятными цветами и обвешиваемся ими, дабы сим сделать приятное глазам и телу нежность доставить; составляем благовонные спирты, порошки, помады, духи и оными обоняние довольствуем» [5, с. 303].

Таким образом, человек создает культурный мир, в котором предметы и отношения должны удовлетворять среди других потребностей и потребность человека в радости и счастье.

Григорий Скворода поднимает вопрос, достаточно актуальный не только для его времени, но и для современного человека: способствует ли развитие цивилизации счастью человека?

Григорий Скворода понимал преимущества цивилизации, видел и ее издержки, но не отрицал достижения цивилизации ради сохранения нравственности. Он принимал эмпирический мир на мистических основаниях: мир интимно открывается человеку в своей тайне. Скворода требовал не морализаторства, а организации своей и только своей жизни, соответственно постигнутой тайне сродности, тайне «внутреннего» человека. Самому мыслителю это удалось: его странничество, бездомность, бегство от чинов и женитьбы – все это нашло свой итог в эпитафии на его могиле, им же самим сочиненной: «Мир ловил меня, но не поймал».

Список использованной литературы

1. Ковалинський М. І. Життя Г. Сквороди // Пізнай в собі людину.– Львів: Світ, 1995.– С. 10-45.
2. Скворода Г. Вірші, пісні, байки, діалоги, трактати, притчі, прозові переклади, листи.– К.: Наукова думка.– 1983.– 539 с.
3. Скворода Г. Пізнай в собі Людину / пер. М. Кашуба; Пер. поезії В. Войтович.– Львів: Світ, 1995.– 528 с.
4. Скворода Г. Розмови про істинне щастя / Примітки Шевчук В.О.– Харків: Прапор, 2002.– 280 с.
5. Скворода Г. Твори: В 2 т.– К.: АТ «Обереги», 1994.– 450 с.
6. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г. Г. Сочинения. [Ред. совет: В. С. Степин (пред.) и др.; Журн. Вопр. Философии и др.; Предисл. Е. В. Пастернак].– М.: Правда, 1989.– С. 210–290.
7. Эрн В. Ф. Борьба за Логос // Эрн В.Ф. Г. Скворода: Жизнь учения.– Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.– 591 с.

Олена Білянська

АРХЕТИП НАРЦИСА У «ФІЛОСОФСЬКІЙ ПОСМІЩЦІ» ГРИГОРІЯ СКВОРОДИ

У статті аналізується філософська проблема осмислення та розуміння людини на ґрунті поглядів Г.Сквороди. До ідеї цілісного світу та цілісної людини Скворода приходять через дуалізм матеріального та ідеального. Одне з важливих місць у вченні філософа займає проблема культурних цінностей. Людину мислитель розумів як суб'єкт культурних відносин, як носія добра та зла.

Ключові слова: людина, культура, світ, матеріальне, ідеальне.

Olena Bilianska

**NARCISSUS ARCHETYPE IN «PHILOSOPHICAL SMILE» OF
GRYGORIY SKOVORODA**

It is analyzed in the article the philosophical problem of person's comprehension and understanding based on G. Skovoroda's view. The idea of holistic world and holistic person is achieving by Skovoroda through material and ideal dualism. One of the highest positions in philosopher's doctrine is held by the cultural values' issue. A human being was perceived by thinker like cultural subject, like holder of good and evil. In his work, Skovoroda indicated a problem of moral values' formation, saw the core of person's ethical principles in his own "will" and "heart". Heart is realized by thinker as a center of human being's spirituality, as a basement of vital activity and an existence concept. Analyzing a problem of human being, G. Skovoroda distinguishes two sides of his existence. From one side, he considers a human in the context of being structure, proclaims him as one of the universes, as a microcosm. However, taking a person as a microcosm, philosopher reaches to necessity to consider relations between microcosm and macroworld. Skovoroda concludes this as a mystical contact. Therefore, this connection is taken like a revelation of God to person or like a human's aspiration to God in journey to self-discovery.

Key words: person, culture, world, material, ideal.

References

1. Kovalins'kij M. ². (1995) Zhittja G. Skovorodi [Life of G. Skovoroda]. P³znaj v sob³ ljudinu. L'v³v, Sv³t, pp. 10–45.
2. Skovoroda G. (1983) V³rsh³, p³sn³, bajki, d³alogi, traktati, pritch³, prozov³ perekladí, listi [Poetry, songs, fables, dialogues, treatises, parables, prose translations, letters]. K., *Naukova dumka*, 539 p.
3. Skovoroda G. (1995) P³znaj v sob³ Ljudinu [Cognize Person inside]. L'v³v, Sv³t, 528 p.
4. Skovoroda G. (2002) Rozmovi pro ³stinne shhastja [Life's True Happiness]. *Hark³v, Prapor*, 280 p.
5. Skovoroda G. (1994) Tвори [Compositions]. K., *AT «Oberegi»*, 450 p.
6. Shpet G. G. (1989) Oчерk razvitija ruskoj filosofii. [Essay about Russian philosophy evolution]. *Moscow, Pravda*, pp. 210–290.
7. Jern V. F. (2000) Bor'ba za Logos [Struggle for Logos]. *Minsk, Harvest; Moscow, ACT*, 591 p.

УДК 821.161.1

Владимир Звизняцковский

**«СМЕШНОЕ ОБНАРУЖИТСЯ САМО СОБОЮ...»
(ГОГОЛЬ И НОСИТЕЛИ РАЗНОЛИКИХ
«СМЕХОВ» В «РЕВИЗОРЕ»)**

В статье рассматривается феномен имперско-российского государственного мышления украинца Гоголя и попытка сатирического изображения молодым российским государственным типично украинской коррупции «любих друзів». Громоподобный «гомерический» смех царя на премьере «Ревизора» как будто свидетельствовал о перспективе незамедлительной гибели негативных явлений в среде провинциального чиновничества (чуть ли не от самого этого смеха). Результатом гениальной ошибки молодого государственника явилось создание им вещиюмористической (на века), а не сатирической (пока не умрёт высмеиваемое явление).

Ключевые слова: гелология, смех, остроумие, юмор, сатира, ирония, сарказм, коррупция «любих друзів», государственное мышление, Гоголь, «Ревизор».

Когда вводишь в Гугл «гелология» – тупо исправляет на «геология», «gelology» – на «geology». Какая уж тут «постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами» – как того требует от нас грешных украинский ВАК...

Наука гелология как бы есть – но ее как бы нет. 8–10 июля 2015 г. в Санкт-Петербурге прошёл уже Третий Международный гелологический конгресс, собравший гуманитариев, которые с разных сторон подходят к созданию гелологии как науки о смехе. Но возможно ли создать науку о смехе в рамках культуры постмодернизма, где **всё** – смех? Ведь не станем же мы на 16-м году 21-го столетия в апрельской Одессе говорить о культуре всерьёз? О какой-то, например, национальной культуре и ее «скрепах»? Наверное, сегодня это лучше получилось бы именно в Санкт-Петербурге – но у каких-то других людей, а не у тех, что были летом на гелологическом конгрессе. И к этим другим людям мы ни в коем случае из Одессы или Киева не приедем.

Однако разве серьезные государственные люди, озабоченные «скрепами», науке гелологии совсем уж неинтересны? Разве смех состоит не в той же пропорции к серьезу, что свет к тьме и добро ко злу? Не успел ты всерьёз отсечь борцов за серьезные идеи от культуры смеха –

как уже сразу отвесил нелепость, и я тебе скажу, в чем она: в твоих интонациях. Ты произнес свои слова так, как будто ты не признаешь